

ДЖОРДЖ ЭЛИОТ

МЕЛЬНИЦА НА ФЛОССЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Э46

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *Л. Поляковой, Г. Островской*

Серийное оформление *А. Фереа, Е. Фереа*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Элиот, Джордж.

Э46 Мельница на Флоссе : [роман] / Джордж Элиот ; [перевод с английского Л. Поляковой, Г. Островской]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 672 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-187201-4

Несколько поколений семьи Талливер владели мельницей на реке Флоссе. Но отец Тома и Мэгги, человек упрямый и вспыльчивый, разругался со всей округой, растерял все имущество и погряз в долгах. Вынужденный быстро повзрослеть, Том с присущей молодости пылом берется восстановить семейное имя, положение и состояние. Но он не может простить отцовских обидчиков, в особенности мистера Уэйкема, судебные тяжбы с которым и разорили отца. Для Мэгги вражда двух семей становится тяжким ударом, ведь сын мистера Уэйкема, чуткий и проникательный Филип, давно стал ей дорогим другом. Девушка вынуждена выбирать между собственными чувствами и верностью семье.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод. Г. Островская, наследники, 2026
ISBN 978-5-17-187201-4 © ООО «Издательство АСТ», 2026

«Не разлучились они и в смерти своей».

Книга первая

БРАТ И СЕСТРА

Глава I

ОКРЕСТ ДОРЛКОУТСКОЙ МЕЛЬНИЦЫ

По широкой равнине, раскинув зеленые берега, спешит к морю Флосс, и прилив, как нетерпеливый влюбленный, стремясь реке навстречу, сливается с нею в пылком объятии. Этот могучий прилив несет темные корабли, груженные смолистыми сосновыми досками, тугими мешками льняного семени или черным сверкающим углем, к городку Сент-Огг, что стоит между невысоким лесистым холмом и обрывистым берегом реки; крутые крыши из красной черепицы и широкие фронтоны портовых складов, загораясь под мимолетным взглядом февральского солнца, бросают на воду мягкие багряные блики. По обе стороны тянутся вдаль тучные пастбища и полоски темной земли, вспаханной под весенние посевы или покрытой нежным пушком озими. Кое-где еще видны золотые шапки прошлогодних стогов, и над живыми изгородями повсюду кроны деревьев; кажется, что мачты и коричневые паруса проплывающих вдали судов вздымаются прямо из ветвей раскидистого ясеня. Сразу за красной черепицей городком во Флосс впадает его приток — Рипл. Как красива эта быстрая речушка, покрытая живым узором темной ряби! Когда я брожу по ее берегам и внимаю ее тихому, спокойному голосу, словно голосу любящего, хотя и неспособного услышать меня друга, она представляется мне живым существом. Мне не забыть старых ив, купающих ветви в воде. Мне не забыть каменного моста.

А вот и Дорлкоутская мельница. Не могу не постоять минуточку-другую на мосту, чтобы полюбоваться

6 на нее, хотя на небе собираются тучи и уже близок вечер. Даже сейчас, на исходе февраля, когда деревья еще не оделись листвой, на нее приятно смотреть, а возможно, холодная и сырая погода только прибавляет очарования уютному чистенькому домику, такому же старому, как вязы и каштаны, укрывающие его от порывов северного ветра. Река полна до краев, вода поднялась так высоко, что затопила лозняк и покрыла чуть ли не всю лужайку перед домом. Когда я гляжу на полноводный поток, на сочную траву, на нежный светло-зеленый лишайник, скрадывающий очертания могучих, чуть поблескивающих стволов и путаницу ветвей на пурпурных обнаженных суках, мне думается: нет ничего прекраснее воды, и я завидую белым уткам, которые плавают среди лозняка и окунают свои головки глубоко в воду, не заботясь о том, какая непривлекательная картина открывается взору тех, кто глядит на них сверху.

Шум воды и гул мельницы, словно огромная завеса из звуков, отделяют вас от внешнего мира и, навевая немую дрему, как будто еще усиливают безмятежный покой всего окружающего. Но вот слышится грохот — это катит домой громадный фургон, набитый мешками с зерном. Честный возница думает об обеде, который — увы! — все еще томится в печи, несмотря на поздний час; но он не прикоснется к нему, пока не накормит своих лошадей — выносливых безответных животных, которые, чудится мне, с мягким укором поглядывают на него из-за шор своими кроткими глазами: к чему так ужасающе щелкать над их головами кнутом — точно они нуждаются в этом намеке! Видите, как они напрягают все мышцы, одолевая подъем к мосту, тем усерднее, чем ближе они к дому. Посмотрите на их громадные, с мохнатыми бабками ноги, словно впивающиеся в землю, на их сильные выи, покорно склоненные под тяжелыми хомутами, на могучие крупы с играющими под кожей мускулами. Хотелось бы мне услышать их ржание, когда они получают свой заработанный тяжким

трудом овес, поглядеть, как, опустив освобожденные от упряжи потные шеи, они нетерпеливо погрузят морды в мутную воду пруда. Вот они уже на мосту, а там — вниз, все ускоряя свой бег, и задок фургона скрывается за деревьями на повороте дороги.

Теперь я могу снова обратить взор к мельнице и глядеть, как из-под неустомимого колеса вылетают алмазные струи. Вон та маленькая девочка в меховом капоре тоже смотрит на реку; с тех пор, как я на мосту, она не двинулась со своего места у самой воды. Смешная белая собачонка с коричневым ухом прыгает и ревниво лает на колесо, безуспешно протестуя против того, что ее подруга столь поглощена его движением. Я думаю, девочке пора бы уже домой, где так заманчиво горит яркий огонь — красноватые отблески пламени далеко видны в сгущающихся сумерках. Пора и мне убрать локти с холодного каменного парапета моста...

Ах, у меня и в самом деле онемели руки. Все это время мои локти тяжело опирались на ручки кресла, и мне чудилось, что я стою на мосту перед Дорлкоутской мельницей, точно такой, какой она была февральским вечером много лет назад. До того как я задремала, я собиралась поведать вам, о чем говорили мистер и миссис Талливер, сидя в гостиной у пылающего камина в тот самый день, который мне приснился.

Глава II

МИСТЕР ТАЛЛИВЕР, ХОЗЯИН ДОРЛКОУТСКОЙ МЕЛЬНИЦЫ, ОБЪЯВЛЯЕТ О СВОЕМ РЕШЕНИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ТОМА

— Чего бы я хотел, понимаешь, — начал мистер Талливер, — чего бы я хотел — так это дать Тому дельное образование, чтоб он имел свой кусок хлеба. Вот это и было у меня на уме, когда я передал, что забираю его

8 от Джейкобза на Благовещение. Думаю послать его с Иванова дня в другую, путную, школу. Кабы я прочил его в мельники или фермеры, двух лет у Джейкобза было бы за глаза; он проучился куда больше, нежели довелось мне: моя паука отцу не дорого встала — только и всего, что букварь под нос да розгу под хвост. Ну а Тома я бы хотел сделать малость поученей, чтобы его не могли обвести вокруг пальца все эти господа, что красно говорят и подписываются с таким росчерком. Был бы мне подмогой в разных там тяжбах да арбитражах и всем таком прочем. Форменного законника я из парня делать не собираюсь — не хочу, чтоб он негодяем вышел, — а так что-нибудь вроде механика, или землемера, или аукциониста и оценщика, как Райли, или мастака по какой-нибудь другой части, где только знай себе загребай денежки и никаких расходов на обзаведение, разве что на толстую часовую цепочку да высокий табурет. Все они, по-моему, на один лад, да и законами их не запугаешь. Райли перед стряпчим Уэйкемом глаз не опустит, все равно что кот перед котом. Уж он-то его не боится.

Речь мистера Талливера была обращена к жене, миловидной белокурой женщине лет сорока, в чепце с оборками наподобие веера. (Страшно подумать, как давно носили такие чепцы — они, наверно, вот-вот опять войдут в моду. В то время они только появились в Сент-Огге и считались премиленькими.)

— Что ж, мистер Талливер, тебе виднее. Я-то ничего не имею против. А только, может, зарежем мы на будущей неделе пару кур да позовем к обеду дядюшек и тетюшек, послушаем, что про это думают сестрица Глегг и сестрица Пуллет. У нас есть птица, которая так и просится под нож!

— Перережь хоть весь птичий двор, Бесси, коли твоей душе угодно, но спрашивать, что мне делать со своим родным сыном, я не намерен ни у тетюшек, ни у дядюшек, — с вызовом ответил мистер Талливер.

Талливер, потрясенная этим кроважидным за-
явлением. — Как ты можешь так говорить, мистер Тал-
ливер? И всегда ты отзываешься о моей родне неува-
жительно, а сестрица Глегг валит весь грех на меня,
хотя я, право, неповинна, как новорожденный младе-
нец. Да я вечно всем твержу, как нашим детям повезло,
что у них тетушки и дядюшки со средствами. А только,
ежели Том пойдет в новую школу, я бы хотела, чтоб жил
он неподалеку и я могла стирать и чинить его платье,
не то хоть давай ему миткалевое белье вместо полотня-
ного — все одно станет желтым после дюжины стирок.
И потом, ежели бы это было по пути нашему фургону,
я могла бы посылать ему пирожок, или паштет, или
яблочко: он, благослови его Господь, управится с лиш-
ним кусочком, как бы там его ни накормили. Мои дети,
благодарение Господу, могут поесть не хуже других.

— Ладно, ладно, мы не отошлем его дальше, чем
ходит фургон, ежели все остальное подойдет, — сказал
мистер Талливер. — Ну и ты не ставь палки в колеса
с этой своей стиркой, коли мы не найдем школы поб-
лизости. Есть у тебя дурная черта, Бесси: увидишь ты на
дороге прутик, тебе уже кажется, что через него и не пе-
реступить. Ты бы не дала мне нанять хорошего возчика
потому только, что у него на лице родинка.

— Господи помилуй! — промолвила миссис Талливер
с кротким изумлением. — Когда это я возражала про-
тив человека оттого, что у него на лице родинка? Да они
мне даже нравятся, и у моего брата, царство ему небес-
ное, была родинка на лбу. Но я что-то не помню, чтобы
ты когда собирался нанять возчика с родинкой, мистер
Талливер. Вот Джон Гиббз, так родинок у него было не
больше, чем у тебя, и я очень даже хотела, чтоб ты его
взял; ты и нанял его, и ежели б он не помер от горячки —
а мы еще платили доктору Тэрнбулу за его лечение, — он
бы, верно, и сейчас ездил с нашим фургоном. Может,

10 у него и была родинка где не видно, но я-то как могла об этом знать, мистер Талливер?

— Да нет, нет, Бесси, я не имел в виду именно родинку, я так, для примера. Ну, неважно; мудреное это дело — разговаривать. Я все думаю, как найти для Тома подходящую школу. Ведь тут можно снова дать маху, как с Джейкобзом. О таких заведениях я больше и слышать не желаю. В какую бы школу я Тома теперь ни определил, уж там не будет как у Джейкобза. Там парни будут не только чистить башмаки всей семье да копать картошку. Ох, и мудреная же это задача — выбрать школу.

Мистер Талливер умолк и сунул руки в карманы штанов, как будто надеялся найти там какое-нибудь решение. По-видимому, его ожидания оправдались, так как, помолчав несколько минут, он сказал:

— Я знаю, что я сделаю. Поговорю об этом с Райли. Он приезжает завтра на арбитраж насчет запруды.

— У меня уже вынуты простыни для парадной кровати, мистер Талливер, и Кезия повесила их перед огнем. Это не самые лучшие наши простыни, но их не стыдно постлать хоть кому угодно. А что до простынь из голландского полотна, мне вроде и жаль, что мы на них потратились, да ведь надо же нас как положено обрядить, когда придет наш час. И приведишь тебе завтра умереть, мистер Талливер, они разглажены без единой морщиночки, и совсем готовы, и пахнут лавандой, так что любо их развернуть. Они лежат в большом дубовом сундуке для белья, в левом углу, в самой глубине, — хотя, понятно, я никому другому и пальцем до них дотронуться не позволю.

Произнеся все это, миссис Талливер вытащила из кармана блестящую связку ключей и, выбрав из них один, стала поглаживать его двумя пальцами, с безмятежной улыбкой глядя на яркий огонь. Будь мистер Талливер ревнивым супругом, он мог бы заподозрить, что она вынула ключи, дабы помочь своему воображению представить ту минуту, когда он даст ей основание

пустить наконец в ход голландские простыни. 11

К счастью, дело обстояло иначе: ревниво он от-носился только к своим правам на воды Флосса. К тому же за годы супружеской жизни у него выработалась привычка слушать свою благоверную только вполслуха, и с той минуты, как он упомянул о мистере Райли, он был, судя по всему, поглощен проверкой на ощупь качества своих шерстяных чулок.

— Сдается, я попал в самую точку, Бесси, — сказал он после короткого молчания. — Райли скорее, чем кто другой, может присоветовать мне школу; он человек ученый и разъезжает повсюду — с арбитражем, и оценкой, и всем прочим. И у нас будет время потолковать об этом завтра вечером, когда мы покончим с запрудой. Понимаешь, я хочу, чтобы Том был вроде Райли, — умел говорить как по писаному, знал кучу слов, которые можно повернуть и так и этак, а закону к ним не придраться, ну, и в делах понимал толк.

— Что ж, — сказала миссис Талливер, — я не против, чтобы он говорил как надо, и все знал, и ходил сутулясь, и взбивал на голове кок, — пусть мальчика всему этому обучат. А только эти краснобаи из больших городов всегда носят пристежные манишки, брыжи донашивают, пока совсем жеванные не станут, и тогда прикрывают их шейным платком. Райли, я знаю, так делает. И опять же, ежели Том уедет и поселится в Мадпорте, как Райли, то придется ему жить в доме, где на кухне и повернуться трудно, и не видать ему свежих яиц к завтраку, и спать он будет на четвертом, а почему знать, может, и на пятом этаже и, случись пожар, сгорит живьем, покуда доберется донизу.

— Что ты, что ты, — сказал мистер Талливер, — у меня и в мыслях не было, чтоб он уезжал в Мадпорт. Я хочу, чтобы он открыл свою контору в Сент-Огге, рядом с нами, и жил дома. А только боюсь, — продолжал, помолчав, мистер Талливер, — дельца из Тома

12 не выйдет — голова не та. Что греха таить, не больно-то он бойкий. Он в вашу семью, Бесси.

— Да, это верно, — согласилась миссис Талливер, не улавливая в его словах задней мысли. — Прямо удивительно, как он любит суп посолонее. Ну точь-в-точь мой брат или отец.

— А все-таки жаль, — снова заговорил мистер Талливер, — что девчущка пошла в отцову породу, а малый — нет. То-то и худо с этими скрещиваниями — никогда наперед не знаешь, что выйдет. Девчонка — та в нашу семью; в два раза шустрей и смышленей Тома. Пожалуй, слишком смышленная для женщины, — продолжал мистер Талливер, раздумчиво покачивая головой. — Сейчас, покуда она мала, еще ладно, но слишком умная женщина — что длиннохвостая овца: дороже ее за это не ценят.

— Нет, мистер Талливер, не ладно и покуда она мала, потому что это ведет к упрямству. А как добиться, чтобы хоть два часа ее фартучек оставался чистым, тут я и ума не приложу... Да, совсем из головы вон, — продолжала миссис Талливер, поднимаясь и подходя к окну. — Понятия не имею, где она, а уж скоро время чай пить. Так я и думала — бродит по берегу, словно дикарка. Ох, свалится она когда-нибудь в воду!

Миссис Талливер громко постучала пальцами по столу и поманила кого-то, укоризненно качая головой. Прodelав это несколько раз, она вернулась на свое место.

— Вот ты говоришь — смышленная, мистер Талливер, — продолжала она, садясь, — но, право, в некоторых вещах она самая настоящая дуручка; пошлешь ее за чем-нибудь наверх, а она забудет, за чем пошла, усядется на пол на солнышке и давай заплетать косы и петь про себя — как есть помешанная. А я все это время сиди и дожидайся ее внизу. Нет, этого у нас в семье, слава богу, не бывало, да и смуглой кожи также, — ведь она словно цыганка. Не хочу роптать на провидение, а что ни говори, обидно — одна у меня дочь, и та блажная.

— Фу ты, глупости какие! — возмутился мистер Талливер — Она складная черноглазая девчушка, любо-дорого смотреть. Не знаю, чем это она хуже других детей, а читает — ну, прямо как пастор.

— Да, зато волосы у нее не хотят виться, как я с ними ни бьюсь, и она не терпит, когда их накручивают на бумажки, а заставить ее стоять спокойно, чтобы завить их щипцами, об этом и не думай.

— Подрежь их... остриги ее покороче, — опрометчиво посоветовал отец.

— Как ты можешь так говорить, мистер Талливер? Ей уже десятый год пошел — и высока не по летам, — разве пристало ей ходить с короткими волосами? А у ее двоюродной сестрицы Люси вся головка в локончиках, и ни один волосок не выбьется. Прямо зависть берет, что у сестры Дин такая хорошенькая девочка. Право, Люси больше на меня похожа, чем мое собственное детище... Мэгги, Мэгги, — продолжала мать раздраженным и вместе просительным тоном, когда эта малолетняя ошибка природы вошла в комнату, — сколько раз тебе говорить, чтоб ты не подходила близко к воде? Свалишься когда-нибудь да утонешь, вот тогда пожалеешь, что не слушалась матери.

Мэгги скинула капор, и волосы ее полностью подтвердили, что у миссис Талливер есть все основания сетовать. Стремясь, чтобы у дочки были локоны «не хуже, чем у других детей», она подстригла ее спереди слишком коротко, и волосы невозможно было убрать за уши, а так как они обычно становились совершенно прямыми через час после того, как их вынимали из папильоток, Мэгги беспрестанно встряхивала головой, чтобы откинуть тяжелые темные пряди, свисавшие ей на глаза, — точь-в-точь маленький шотландский пони.

— Боже милостивый, Мэгги, о чем ты только думаешь — бросить свой капор здесь! Будь умницей, отнеси

14 его наверх, причешись и надень другой фартучек да перемени туфли... Ну как тебе не стыдно... А потом спускайся сюда и берись за свое шитье, води себя как барышня.

— Ах, мама, — со страстным протестом в голосе воскликнула Мэгги, — не хочу я сшивать эти гадкие лоскуты!

— Что?! Не хочешь сшивать лоскуты, чтобы сделать хорошенькое одеяло для тетушки Глеэг?

— Глупое это занятие, — заявила Мэгги, встряхивая своей гривой, — разрезать тряпки на кусочки, а потом опять их сшивать. Да и не хочу я делать ничего для тетушки Глеэг, я не люблю ее.

Волоча капор за ленты, Мэгги скрывается, сопровождаемая громким смехом мистера Талливера.

— Удивляюсь я тебе, мистер Талливер! Чему тут смеяться? — сказала мать с легким раздражением. — Опять ты ей потакаешь. А потом тетушки скажут, что это я избаловала ее.

Миссис Талливер была, как говорится, кроткого нрава. В детстве разве только голод или вонзившаяся в тело булавка могли вызвать у нее слезы; с самой колыбели она была здоровая, румяная, пухлая и скучная — короче говоря, перл красоты и привлекательности в своем семействе. Но кротость, как и молоко, нестойкий продукт и когда немного прокиснет, может оказаться не по нутру молодым желудкам. У меня не раз возникал вопрос, удавалось ли ранним мадоннам Рафаэля, этим бело-розовым красавицам с довольно глупыми лицами, сохранять безмятежность, когда их крепкие норовистые мальчуганы вырастали настолько, что не могли уже ходить голышом. Я полагаю, они были склонны кротко увещевать своих чад и становились все более и более раздражительными по мере того, как увещания их все менее и менее достигали цели.

Глава III

МИСТЕР РАЙЛИ ДАЕТ СОВЕТ ОТНОСИТЕЛЬНО ШКОЛЫ ДЛЯ ТОМА

Джентльмен в пышном белом галстуке и брыжах, который с таким благосклонным видом попивает грог в обществе своего доброго друга Талливера, и есть мистер Райли. Это мужчина с нездоровым цветом лица и пухлыми руками, пожалуй, даже слишком образованный для аукциониста и оценщика, но достаточно снисходительный, чтобы выказывать *bonhomie*¹ по отношению к своим деревенским знакомым, простым и гостеприимным людям. Мистер Райли любезно именовал их «людьми старой школы».

Беседа прервалась. Мистер Талливер не без задней мысли воздержался от того, чтобы в седьмой раз повторить, как хладнокровно Райли осадил Дикса — показал, что тому с ним не тягаться, — и как с Уэйкема хоть раз в жизни сбили спесь, разрешив вопрос о запруде арбитражем, и что споров о воде и вовсе бы не возникало, веди себя каждый так, как ему положено, и не сотвори нечистый законников.

Мистер Талливер обычно придерживался надежных общепринятых взглядов, но в некоторых вопросах он больше полагался на собственное разумение и пришел к нескольким весьма сомнительным выводам. Так, он считал, что долгоносики, крысы и стряпчие — порождение дьявола. К сожалению, некому было объяснить ему, что это чистейший манихеизм², не то он понял бы свою ошибку. Однако сегодня добро наконец восторжествовало. Это дело по поводу уровня воды оказалось довольно запутанным, хотя на первый взгляд выглядело

¹ Благожелательность (*франц.*).

² Манихеизм — учение персидского философа Мани (III в.), последователя Зороастра, согласно которому тело человека является порождением «царства тьмы», а душа — «царства света».